

Анна Винклер

**Дни доктора
Винклера**

18+

Анна Винклер

Дни доктора Винклера два

«Автор»

2026

Винклер А.

Дни доктора Винклера два / А. Винклер — «Автор», 2026

Продолжение книги "Дни доктора Винклера", повествующей о работе врача - гипнолога. Содержащей интереснейшие и уникальные случаи регрессивного гипноза, в форме рассказов от первого лица.

© Винклер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Тестостероновый островок	6
Личный контрперенос	15
Особый случай	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Винклер

Дни доктора Винклера два

Глава

«Я — женищина; породе этой и чёрт бывает не под стать!»

Лопе де Вега.

Тестостероновый островок

Будильник настойчиво трезвонил на прикроватной тумбочке с шести утра, но его монотонный звук доносился до доктора Винклера будто из-под непроницаемой толщи воды.

Ночью сон никак не шел, и в отчаянии, боясь провалить важный день, доктор принял таблетку усыпина. Лекарство сработало слишком хорошо и сон, что не вовремя навалился на него, был тяжелым, вязким и почти болезненным.

Винклер слышал дребезжащий будильник, осознавал, что нужно встать, но тело его отказывалось подчиняться. Рука, лежавшая на одеяле, казалась чугуновой, и отдать ей простейший приказ дотянуться до телефона и выключить звук было непосильной задачей.

«Никогда больше! Никогда! Сегодня такой ответственный день, учеба в Институте гипноза, а я чувствую себя мухой, по которой только что прошлись мухобойкой»: мысленно выругался на себя доктор.

Наконец, собрав остатки воли, он с трудом сполз с кровати и, пошатываясь, побрел в ванную в надежде, что холодный душ приведет его в чувство.

Надев свежую рубашку, Винклер аккуратно уложил в портфель ноутбук и блокнот, пытаясь настроиться на продуктивный лад. «Просыпайся, улыбайся, на учебу отправляйся!»: фальшиво-бодро пропел он только что сочиненную мантру. Выйдя из квартиры, доктор на мгновение задумался и решил оставить машину на парковке.

В таком тухлом состоянии садиться за руль было бы верхом безрассудства, поэтому лучшим решением было решение спуститься в метро.

Просторный и стильный зал Института Гипноза встретил доктора Винклера почтительной тишиной. В самом центре, в ожидании лекции, расположилась небольшая группа мужчин. Все как на подбор — в элегантных костюмах, разных возрастов, но с одинаково сосредоточенным выражением лиц.

«Ни одной женщины. Настоящий тестостероновый островок»: с легкой усмешкой подумал Винклер, выбирая себе место с краю.

Впрочем, удивляться было нечему. Собравшиеся здесь коллеги-гипнологи из разных клиник города прекрасно знали специфику своей работы.

Профессия гипнолога требовала не только отточенных навыков, но и недюжинной физической силы, поэтому женщин в ней практически не было.

Сегодня изучаем тему

Когда в аудиторию вошел профессор Рифатов, все мужчины, как по команде, поднялись со своих мест. Воздух наполнился почтительным молчанием, которое профессор тут же разрушил своим заразительным смехом.

" Садитесь, садитесь! Всем «пять» за старание!»: весело произнес он, оглядывая нас.

" Что вы, право, как в школе? Взяли и перенесли на меня образ строгого учителя. Впрочем, попали в точку! Сегодня мы как раз и поговорим о переносе и контрпереносе в психологии. Уверен, вам есть что рассказать из своей практики.»: немного по — театральному произнес Рифатов.

Его голос, по-учительски громкий и уверенный, заполнил пространство, и мы с коллегами, улыбаясь, расселись по своим местам.

Нас было всего шестеро, и для дальнейшей работы профессор предложил разбиться на пары.

Моим партнером оказался Роман Петрович — весьма известный в профессиональных кругах психолог из Москвы. В отличие от многих из нас, частных практиков, он работал в крупном столичном институте, что придавало его фигуре еще больше веса и авторитета. Я сразу понял, что наше взаимодействие будет весьма интересным.

Когда Рифанов предложил всем разбиться на пары для дальнейшей работы, Роман Петрович, даже не взглянув в сторону Винклера, демонстративно остался один в центре зала. Привлекая всеобщее внимание, Роман Петрович начал громко говорить: «Знаете, коллега, я противник всех этих надуманных границ. В отличие от вас, доктор, я не веду приём в шикарном кабинете старинной усадьбы. Я люблю простор, свободу. К чему эта сухая конфиденциальность? Эти строгие, неудобные костюмы, в которых на консультации сидишь, как конь в путах?

Он сделал паузу, обводя присутствующих вызывающим взглядом.

«Я и семью свою от общественности не прячу. Более того, нужные мне для работы люди часто приходят ко мне домой, и я всегда рад их видеть. Думаете, это как-то сказывается на качестве лечения? Нисколько. А знаете, почему? Потому что я лечу медицинскими препаратами. Таблетками, проще говоря!».

Роман Петрович говорил на одном дыхании, раскрыв все карты своей практики.

Винклер, ошеломленный этим внезапным и неуместным откровением, машинально почесал за ухом. В голове пронеслась неприятная мысль: Роман Петрович — какая-то «подсадная утка». Все, что он только что с таким пафосом перечислил — размытие границ, смешение личного и профессионального, перенос рабочих отношений в домашнюю обстановку было хрестоматийным примером психологического контрпереноса.

Такое точное, почти дословное совпадение с темой их сегодняшнего учебного обсуждения показалось Винклеру странным и даже зловещим.

Знакомство с Романом

Пока Роман демонстративно распинался перед аудиторией, упиваясь собственным красноречием, Винклер молча наблюдал за ним в отражении большого зеркала.

Когда пафос речи достиг апогея, доктор прервал ее самым прозаичным образом: громко объявил коллегам, что ему нужно в туалет, и вышел из зала.

На самом деле проч его вела не внезапная нужда, а обворожительный запах свежесваренного кофе.

Спустившись по лестнице, Винклер безошибочно нашел полутемный буфет. Чашка крепкого эспрессо и пара воздушных эклеров — вот что было нужно ему сейчас, чтобы отвлечься от всякого фонового шума.

Погрузившись в мысли о новом телепроекте, куда его недавно пригласили, доктор с удовольствием откусил пирожное.

Проект был посвящен известной актрисе с трагической судьбой, и Винклеру отводилась роль эксперта. Ему предстояло анализировать психологические аспекты ее поведения, говорить о детских травмах и скрытых мотивах поведения актрисы — работа тонкая и весьма интересная.

Когда доктор отправил в рот последний кусочек эклера, чья-то рука осторожно легла ему на плечо. Винклер обернулся. За его спиной стоял Роман с виновато опущенной головой.

Разводя руками в стороны, Роман тихо произнес:» Простите, коллега, я в последнее время слишком много эпатирую публику. Знаете, это не просто так... У меня недавно был очень тяжелый случай. Клиентка. После сеанса со мной покончила с собой. Я до сих пор не понимаю, почему... Нужно во всем этом разобраться».

Роман по-детски шмыгнул носом и опустил на стул рядом с доктором. Но Винклер не дал ему раскиснуть.

«Не садитесь, нам пора возвращаться!»: бодро произнес он, оставляя на столе несколько купюр за свой заказ.

И, ободряюще положив руку на плечо Романа, он повел его обратно в учебный класс.

Сев напротив друг друга, специалисты стали говорить о переносе и контрпереносе. И, чем дольше они говорили, тем сильнее их вовлекала эта тема.

Представьте себе тихий кабинет, где находятся двое. Один из них — психолог, другой — пациент.

Один пришел за помощью, другой — чтобы ее оказать.

Но как только начинается разговор, кабинет внезапно начинает наполняться незримыми гостями из прошлого.

Пациент, сам того не осознавая, перестает видеть перед собой просто специалиста. Вместо него он видит то строгого отца, то заботливую мать, а иногда и друга, который когда-то предал.

Психолог, в свою очередь, тоже живой человек. Он старается сохранять профессиональную отстраненность, но это не всегда удается.

Чтобы не спугнуть клиента, не разрушить хрупкое доверие, он порой неосознанно начинает подыгрывать. Он становится тем самым «родителем» или «другом», которого в нем так хотят видеть.

Границы стираются, роли смешиваются...

И вот уже терапия превращается в запутанную драму. Психолог, вжившийся в роль опекуна, вдруг начинает испытывать к своему «подопечному» совсем не профессиональные чувства. А клиент, получив долгожданную заботу, окончательно теряет связь с реальностью.

Этот клубок из проекций, ожиданий и старых обид становится настолько сложным, что распутать его кажется почти невозможным. В итоге вместо исцеления оба участника рискуют увязнуть в хаосе, где уже неясно, кто кого лечит и кто кого спасает.

До потери сознания

Первый учебный день, к счастью, подошел к концу. Винклер, чувствуя приятную усталость, попрощался с коллегами и вышел на улицу. Впереди его ждал весьма привычный ритуал: быстрый перекус в ближайшей забегаловке, а затем долгий, изматывающий путь на общественном транспорте до самой Коммунарки.

Кафешка рядом с институтом гипноза выглядела неказисто, зато внутри нее было домашнему уютно. Воздух кафе был пропитан аппетитными запахами, и, принявшись, док-

тор безошибочно определил: сегодня на ужин будет жареная картошка. Это было именно то, что могло сильно порадовать его после насыщенного дня.

Винклер с наслаждением опустил на стул, предвкушая заслуженную трапезу, как вдруг чья-то рука едва ощутимо коснулась его плеча.

«Нет, только не это»: пронеслась в голове доктора мысль, вызвавшая у Винклера чувство, схожее с глухим отчаянием.

Он медленно повернул голову, уже заранее зная, кого увидит. За спиной снова стоял его напарник Роман. На его лице застыла та же вселенская скорбь, от которой у Винклера свело голодный желудок.

В данное время, он мечтал лишь о еде, сне и новых знаниях, но судьба, похоже, распорядилась иначе.

Судя по выражению глаз незваного гостя, доктора ждал очередной сложный и донельзя запутанный случай, от которого уже сейчас веяло безнадежностью.

Винклер выдавил из себя широкую натянутую улыбку и жестом пригласил Романа за столик.

Тот радостно хлопнул в ладоши и выкрикнул:

«А давайте выпьем! Официант, водочки!»

Винклер скривился. Вспомнив о вчерашнем снотворном, он понял, что алкоголь сейчас — это худшая идея, но промолчал, лишь сильнее сжав от недовольства челюсти.

После первой же рюмки лицо Романа залило густой, нездоровой краснотой. Он словно перестал замечать шум ресторана, звон посуды и приглушенные разговоры за соседними столиками. Весь мир для него сузился до фигуры доктора Винклера, сидящего напротив.

Роман заговорил, и в его голосе прорезались надрывные, почти истерические нотки.

Он рассказывал о женщине. О той единственной, которую позволил себе полюбить впервые, по-настоящему, до дрожи в пальцах. И в этом признании сквозила не радость, а какая-то безнадежная обреченность, потому что женщина эта была его пациенткой.

Глаза Романа подозрительно блестели, готовые в любую секунду сорваться на слезы. Он то и дело цеплялся пальцами за собственные волосы, с силой сжимая череп, будто его мысли, были такие тяжелые, болезненные и невыносимые, что вот-вот могли выплеснуться наружу. Он держался за голову так, словно она была хрупким сосудом, который может треснуть от одного неосторожного движения и отчаянно пытался удержать внутри себя весь этот любовный хаос.

С горечью оставив недоеденный ужин, Винклер расплатился, вызвал такси и, вздохнув, подхватил под локоть Романа.

Оставить нового знакомого в таком плачевном состоянии в кафе было бы просто свинством, поэтому теперь они вместе ехали в машине в Коммунарку.

Роман был пьян. Алкоголь окончательно победил его попытки заглушить сердечную боль и Винклеру пришлось тащить его на себе до квартиры, как мешок с картошкой.

Когда они ввалились в подъезд дома, доктор впервые поймал на себе ошарашенные взгляды соседей.

На секунду ему стало неловко, но Винклер тут же отмахнулся от этих мыслей.

«Не до того сейчас. Нечего нагнетать!»: подумал доктор, открывая дверь квартиры.

Личный контрперенос

Утро встретило доктора Винклера скрипом раскладушки и ноющей спиной. Открыв глаза, он с удивлением обнаружил, что находится именно на ней, а не в своей удобной кровати. Той самой, которую с такой тщательностью заказывал у известного в городе плотника, настоящего мастера своего дела.

На этой самой кровати, вольготно раскинувшись, спал его новый знакомый Роман. Картина была бы комичной, если бы не была такой досадной. Винклер прекрасно помнил, как вчера вечером укладывал изрядно перебравшего коллегу именно на раскладушку. Видимо, ночью гость, придя в себя, решил самостоятельно восстановить справедливость и поменяться местами. А сам доктор, должно быть, на автопилоте перебрался на освободившееся место, не заметив подмены.

Винклер тяжело вздохнул и присел на табуретку, пытаясь собраться с силами. Но оценивать было особо нечего — сил не было. Роман же спал безмятежно, и будить его не хотелось. Впрочем, как и оставлять почти незнакомого человека одного в своей квартире.

Взяв телефон, доктор набрал номер института гипноза. К его удивлению, на звонок ответил сам профессор. Ему хватило пары фраз, чтобы понять: сегодня на занятиях будут отсутствовать сразу два ученика. Однако он не стал отчитывать Винклера, как провинившегося школьника.

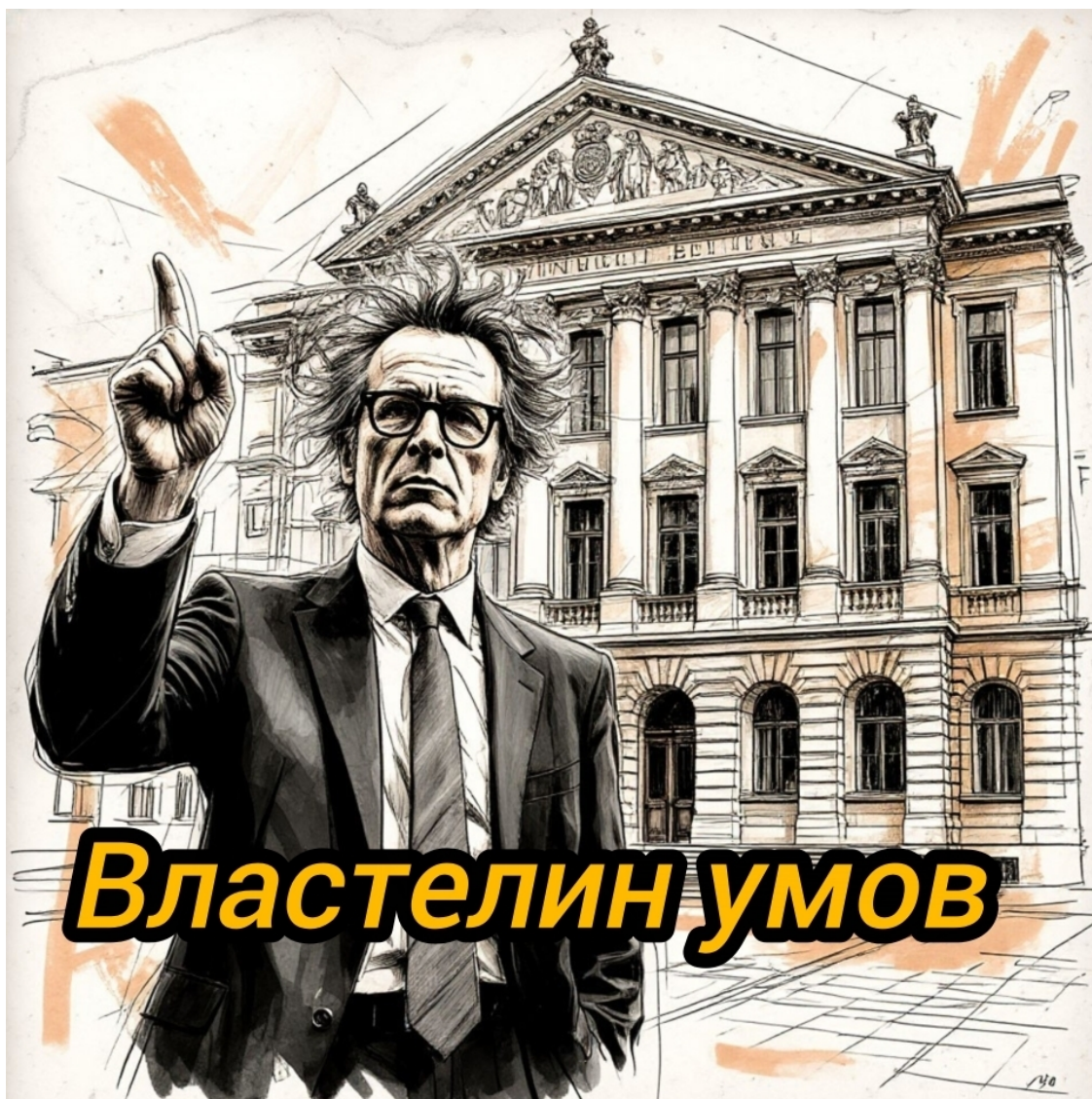
«Завтра жду вовремя»: вежливо, но твёрдо произнёс профессор и положил трубку.

Что ж, день обещал быть незапланированно свободным. Винклер потянулся и снова взял телефон, на этот раз набирая номер кафе «Умелая Мэри».

«Раз уж так вышло, закажу нам хороший завтрак. А потом, пожалуй, проведу для Романа небольшой терапевтический сеанс. Не пропадать же времени даром»: подумал он.

С этой мыслью доктор предусмотрительно пододвинул удобное кресло поближе к кровати, готовясь к предстоящему разговору.

Властелин умов

Я — мужчина, Ромео, стою под серым швейцарским небом 1950 года, но внутри меня находится ослепительное солнце. Передо мной возвышается здание Бернского университета. Моя альма-матер.

Какое же величественное и строгое здание! Его симметричные фасады, украшенные лепниной и балюстрадами, словно отражают ту дисциплину и порядок, которые царят в мире моей науки.

Каждая линия, каждый камень здесь дышит историей и тайными знаниями.

Я помню, как впервые подошел к этим дверям — юноша из небогатой семьи, потерявший отца, с одной лишь отчаянной надеждой в сердце. Я хотел стать ученым.

Моя мать постоянно работала не покладая рук, чтобы дать мне этот удивительный шанс, эту возможность, которая казалась подарком небес. И я вцепился в нее.

А сегодня... сегодня я вышел из этих же дверей не просто выпускником. Я — доктор медицинских наук. Психоаналитик. И это звание звенит у меня в ушах, как победный колокол.

Где-то в моей груди разгорается теплое, торжественное пламя. Чувство триумфа такое яркое, что, кажется, его можно потрогать и даже обжечься.

Мало кто знает, чего мне это все стоило. Бессонные ночи над книгами, годы сомнений и упорного труда, когда приходилось постоянно доказывать этим важным вельможам, что я достоин быть доктором наук.

И вот результат. Я не просто добился своего, я превзошел все свои ожидания.

В кармане лежит билет в новую жизнь, в Америку. Меня ждет Калифорнийская медицинская школа, где я буду преподавать психологию.

Я чувствую в себе невероятную силу. Ведь что такое психоанализ? Это ключ к человеческой душе, к самым потаенным уголкам сознания человека. А тот, кто владеет этим ключом, владеет и умами.

Сейчас, глядя на это монументальное здание, я ощущаю себя не просто успешным человеком. Я чувствую себя почти богом!

Я сам выковал свою судьбу, превратившись из скромного мальчика в ученого, которому скоро будет внимать целый континент.

Мир лежит передо мной, и я готов его покорять.

Центральная тема

Роман откидывает голову на спинку кресла. Он медленно и очень четко выговаривая каждую фразу продолжает свой рассказ:

Как специалист, я считаю феномен ПЕРЕНОСА центральным в своей практике!

Это не просто один из многих аспектов терапии. Для меня это ключ к пониманию внутреннего мира человека.

Я придерживаюсь мнения, что за любым сопротивлением пациента, будь то опоздания, молчание или обесценивание процесса, почти всегда стоит перенос. Именно в отношениях с терапевтом, в безопасном пространстве кабинета, человек бессознательно начинает воспроизводить свои старые, незавершенные конфликты. Внезапно я, как аналитик, становлюсь для него фигурой из прошлого: критикующим родителем, недоступным партнером или кем-то еще.

Следуя заветам таких мастеров, как Ральф Гринсон, я научился внимательно отслеживать эти проявления. Недоверие ко мне, внезапное раздражение, стремление угодить или, наоборот,

саботировать нашу работу — всё это не просто помехи, а ценнейший материал. Это и есть сопротивление, оформленное в переносе.

Признаюсь, я не люблю сопротивление!

Оно замедляет процесс терапии и требует огромного терпения. Но я никогда не пытаюсь его «сломать» или подавить. Наоборот, я вижу в нем приглашение к глубокому исследованию. Моя задача — не бороться с ним, а вместе с пациентом понять: на кого на самом деле направлены эти чувства? Какой старый сценарий разыгрывается прямо здесь и сейчас?

Именно этой кропотливой работе я посвящаю большую часть времени. Мы с пациентом долго и бережно исследуем этот момент, пока не находим его истоки. Когда причина переноса становится ясна и осознана, он теряет свою власть.

Старая модель поведения становится просто элементом прошлого, а не действующей силой в настоящем.

В сущности, вся моя научная и практическая деятельность посвящена именно работе с переносом и, конечно же, с КОНТРПЕРЕНОСОМ, его зеркальным отражением в душе самого терапевта.

Это моя специализация и профессиональная страсть.

Я помешан на этом...

Иногда, преодолевая чье-то сопротивление, я захожу в невероятный азарт, который может поглотить меня, как огромная " непроходимая пропасть

Комфорт

Я, безусловно являюсь представителем богатых слоев населения Флориды.

Со своей женой Мэри и двумя дочерьми — подростками, мы живем в очень элитном поселке в пригороде Флориды.

Мы обосновались здесь, когда Флорида только начала превращаться в настоящий рай для тех, кто может себе позволить всё. Я лично контролировал каждый этап стройки, следил за тем, как заливали фундамент, чтобы это место стало для моей семьи не просто красивой картинкой из журнала, а настоящей, неприступной крепостью.

Наш дом является классикой здешних мест: светлый камень, изящные арки, черепица, нагретая солнцем, и уютный внутренний дворик, где по вечерам слышно, как журчит фонтан. Внутри дома царит полный комфорт: от новейшей техники до системы охлаждения, спасающей от влажной жары.

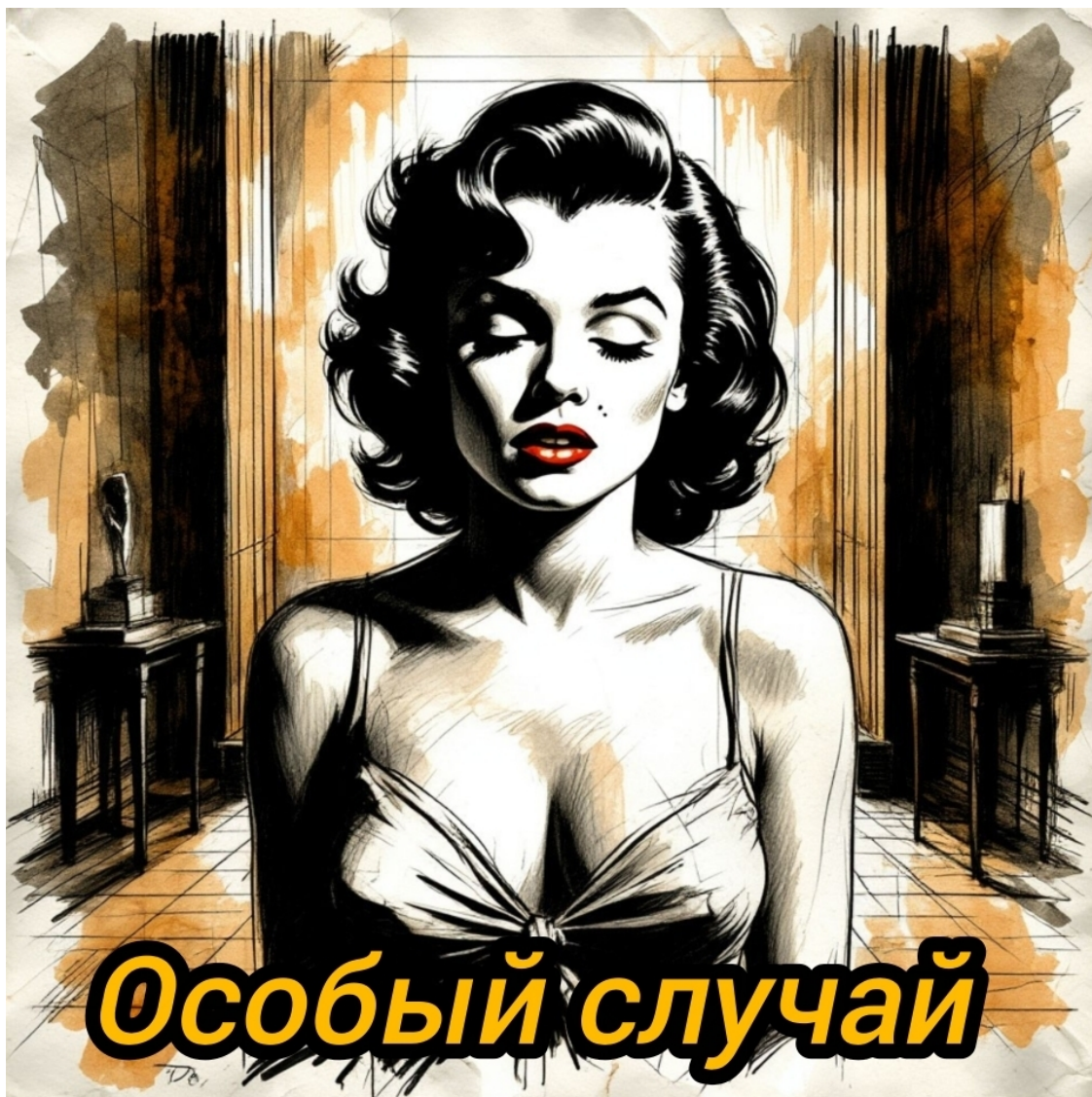
Жизнь здесь кажется идеальной и предсказуемой. Гольф-клубы, яхты, теннисные корты, бесконечные прогулки под пальмами дарят мне нереальное наслаждение и радость.

Но, несмотря на весь этот лоск, на душе у меня беспокойно. Я всё чаще ловлю себя на мысли, что боюсь за своих близких, потому что в нашем кругу принято жить напоказ, но у этой роскоши есть и обратная сторона, о которой не принято говорить вслух.

Архитекторы, проектировавшие наш особняк, настояли на одной странной детали, которая тогда казалась мне верхом предусмотрительности. Под моим домом проложена сеть скрытых тоннелей. Изначально они задумывались для прислуги, чтобы персонал мог перемещаться по территории, не попадаясь на глаза гостям и не нарушая атмосферу приватности.

Теперь же, когда я спускаюсь в эти прохладные, тихие коридоры, я смотрю на них иначе. Это не просто удобство для обслуживания дома. Это лабиринт, который в случае чего может стать единственным способом укрыть мою семью от внешнего мира. Мой кабинет, где я провожу так мало времени, кажется мне сейчас лишь декорацией, а настоящая жизнь скрыта глубоко под нашими ногами.

Особый случай

Мой график преподавания в школе психоанализа был довольно размеренным: я читал лекции два-три раза в неделю, а всё остальное время посвящал частной практике.

Клиентами моими были люди обеспеченные, привыкшие к комфорту и, чего греха таить, изрядно избалованные жизнью. Их проблемы, как правило, вращались вокруг одного и того же — вокруг бесконечных драм в личных отношениях или неурядиц в бизнесе.

Особенно часто ко мне заглядывали дамы с истерическим типом личности. По сути, их визиты были лишь способом привлечь к себе внимание, своеобразным выходом в свет. Работать с такими пациентками было легко и даже удобно: они без лишних вопросов пускали меня в самые потаённые уголки своей души, не оказывая практически никакого сопротивления.

Но именно эта податливость и лишала процесс терапии необходимой глубины. В таких сеансах не было вызова, не было той интеллектуальной борьбы, которая заставляет искать новые подходы и оттачивать мастерство. В конечном счёте, они не давали мне того самого профессионального азарта, без которого психоанализ превращается в рутину.

За моими плечами была докторская степень и репутация, которую принято называть «громким именем». Мои будни проходили в кабинете, где за закрытыми дверями сидят люди, чьи фамилии мелькают в списках Forbes, а решения влияли на рынки. Но, несмотря на статус, я оставался живым человеком, и порой мне становилось до боли тесно в этих общественных рамках.

Я часто ловил себя на мысли, что отчаянно пытаюсь доказать самому себе собственную значимость. Ирония в том, что эта потребность безусловно являлась прямым следствием той среды, в которой я вращался.

Факт остается фактом. Я и мои клиенты жили и живут в мире, где всё возведено в абсолют «показательности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.